

Полет в брюхе жестяной рыбы

— Александр Павлович, первую зиму войны Вы провели в блокадном Ленинграде, Вам было 8 лет. Какой эпизод из блокады для Вас стал самым ярким?

— Блокада очень хорошо запомнилась, и ярких эпизодов было много. Помню, как в самом начале войны, в июле, уходили солдаты и как висели над городом дирижабли. Помню «разрезанный» от удара бомбы сверху донизу дом, где можно было увидеть предметы быта: кровати, обои, какие-то детские игрушки... Тревоги следовали одна за другой без перерыва. До сих пор помню, как горели Бадаевские склады... Гигантское зарево в полнеба — никогда после я такого сильного пожара не видел.

И уж точно я никогда в жизни так не гордился русскими людьми, как теми, кто окружал меня в осажденном Ленинграде, в нашей коммунальной квартире. Я со стыдом думаю о том, сколько раз, живя в мирное время, я терялся, впадал в уныние — а они до последней минуты не поддавались слабости, шутили, смеялись, заботились друг о друге. В нашей квартире тогда жил дальний родственник с чудным именем Алефтан. Он был громадного роста, ему более, чем другим, не хватало еды. И он варил себе суп из столярного клея — больше ничего не было. И я помню, что он постоянно пел. Пел даже за несколько часов до смерти: как и все блокадники, он умер от истощения. Весельчаки, шутники, очень добрые... Вот такое впечатление у меня осталось о тех людях.

Весной сорок второго мы с мамой эвакуировались. Вылететь из Ленинграда тогда значило получить счастливый билетик. Самолеты при-

возили в Ленинград продовольствие — хлеб, сахар и масло, а обратно вывозили детей, стариков и женщин. На аэродром нас провожали любимые бабушки: они были совершенно истощены, и я помню, как струи ветра от вертящихся винтов самолета едва не сбивали ослабших бабушек с ног. Я, маленький, это понимал, и мне было очень горько.

С нашей эвакуацией связана целая цепь событий. Оказалось, мама перепутала дату, и мы приехали на аэродром на день раньше нашего отлета. Тем не менее она добилась, чтобы нас все-таки посадили на самолет. А на следующий день в нашу квартиру попала бомба...

Ахматова писала: «Словно в брюхе жестяной рыбы». Это очень точное выражение. Представьте себе внутренность самолета «Дуглас», разделенную ребристыми перегородками; никаких сидений там не было, люди располагались на своих мешках и чемоданах — действительно, как брюхе огромной рыбы, внутри которой мы все оказались.

Кроме нашего самолета летело еще два «Дугласа» с такими же, как мы, эвакуированными. Неповоротливые грузовые самолеты охраняли истребители. Из Питера мы должны были прилететь в Вологду, и нам сказали, что, как только минуем Ладожское озеро, можно уже не волноваться. Но именно в этот момент нас атаковали немецкие самолеты. Наши истребители при виде «Юнкерсов» повернули обратно. А немцы один «Дуглас» тут же сбили, еще один обстреляли, и тогда, не долетев до Вологды, мы сделали вынужденную посадку на аэродроме в Хвойной. Когда приземлились, мама видела, как из второго самолета выносили окровавленных детей и взрослых. Потом, после войны, она никогда уже не летала, ездила только поездом. А наш самолет, слава Богу, уцелел.

Еще одно чудо — в Хвойной мы попали в какую-то воинскую часть, где нас угостили вареной картошкой. Вот это незабываемо, потому что в блокадном Ленинграде мы ели силос — корм для скота, и для нас тогда он был большим лакомством. А тут — картошка, да еще и с маслом! Из Хвойной мы вылетели благодаря какой-то невероятной маминой энергии. Как потом выяснилось, через шесть часов после нашего вылета в Хвойную вошли немцы. Еще дней сорок мы провели в Вологде, потому что я серьезно заболел. А потом в теплушках мы поехали на восток, в Челябинск, к бабушке. Вот вам история нашего отлета из блокадного Ленинграда.

— Насколько я знаю, одним из самых серьезных потрясений в Вашей жизни стал расстрел Ваших друзей из литературного кружка...

— Да, в 1944 году мы вернулись в Москву. Я стал ходить в литературный кружок при Доме пионеров на улице Стопани. Школа мне представлялась тюрьмой, а кружок, где мы все занимались поэзией, был для меня отдушиной. Мне было тринадцать лет, а там были старшие, которым было по шестнадцать-семнадцать, а я с ними мог говорить на равных о Блоке, Есенине, Маяковском. Мне это очень льсти-

АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВСКИЙ

Поэт, писатель, драматург, сценарист. Родился в 1933 году в Москве. Во время войны ребенком оказался в блокадном Ленинграде, затем в эвакуации в Челябинске. После войны вернулся в Москву, в 1958 году закончил сценарный факультет ВГИКа. В 1950-е годы его стихи были опубликованы в рукописном поэтическом сборнике «Синтаксис» Александра Гинзбурга, после чего поэтом и его творчеством заинтересовались в КГБ. Его стихи не издавались до начала 1990-х годов. Работал редактором на киностудии «Таджикфильм», киностудии «Союзмультфильм», студии «Мульттелефильм». По сценариям Александра Тимофеевского снято более 40 мультфильмов, среди них «Проделкин в школе», «Медной горы хозяйка», «Каменный цветок», «Чудесное яблоко», «Бибигон», «По щучьему велению», «Новые приключения барона Мюнхгаузена», «Петрушка и Гжель» и многие другие, он написал более 50 текстов песен для мультипликационных и игровых фильмов. Автор 10 поэтических сборников, а также множества книг для детей.

Александр Тимофеевский. Душанбе, 1962

Я никогда в жизни так не гордился русскими людьми, как теми, кто окружал меня в осажденном Ленинграде, в нашей коммунальной квартире.

ло. После занятий мы гуляли по всей Москве, читали стихи, пели песни.

Но история с литературным кружком кончилась трагически. Старшим ребятам стены литературного кружка стали узки, и они решили заниматься литературой отдельно. Принялись самостоятельно, а не по указке пионерской руководительницы, изучать поэзию, и я помню, как один из кружковцев Борис Слуцкий, однофамилец известного поэта, сделал блистательный доклад о символистах, который он читал два дня подряд, каждый раз по три часа.

И тут мы с моим приятелем, влюбленные в одну из девочек, поняли, что она увлечена докладчиком, а на нас не обращает никакого внимания, и мы поклялись больше никогда не приходить на эти занятия. Тем временем ребята отошли от литературы и стали изучать «Государство и революцию» Ленина. Кто-то вспомнил, что их сверстники из колхозов не имеют паспортов и значит — не могут поступить в институты, дальше больше... На рубеже 40-х — 50-х годов органы инспирировали акцию «Юные ленинцы». В компании мыслящих моло-

дых людей засылались провокаторы. Моим друзьям вменили в вину антисоветскую деятельность. Был суд, троих мальчиков приговорили к расстрелу, другие получили по десять, двадцать, двадцать пять лет лагерей. Одна девочка получила семь лет за поцелуй на лестнице.

Может быть, самое страшное, что я видел в своей жизни, — это глаза родителей. Мы ведь ничего не могли понять, куда пропали ребята, и когда пошли по домам просто узнавать, что случилось, то видели совершенно безумные глаза их матерей и отцов...

Затем, уже в старших классах, школе я предпочитал Историческую и Ленинскую библиотеки. Они были для меня домом: я проводил там целые дни, с утра до вечера. Еще при жизни Сталина, в 1952 году, в Ленинской библиотеке я прочел стенограммы съездов партии. Удивительно, если бы эти стенограммы нашли в доме при обыске, владелец получил бы десять лет. А в библиотеке я получил их из спецхрана, и ничего со мной не случилось. Но благодаря этим стенограммам я понял, что история наша происходила совсем не так, как нас учили в школе. То есть еще до Хрущева я кое-что уже знал.

Курилки библиотек стали инкубаторами будущих диссидентов — иного выражения не найду. Там собирались молодые люди, которые горячо обсуждали все политические новости. В 50-е годы я был постоянным посетителем курилки, там я спорил до хрипоты о том, что происходит в окружающей жизни. А за стенами библиотеки начиналась «оттепель».

Недолгий рассвет

— Чем для Вас стало то время, которое сегодня называют оттепелью?

— Сейчас трудно представить себе времена сталинизма, когда в лирической поэзии дозволялось писать только о любви к партии и ее вождю. И вдруг в 1956 году журнал «Знамя», Пастернак: «Под ракушкой, обвитой плющом / От ненастья мы ищем защиты / Наши плечи покрыты плащом. / Вкруг тебя мои руки обвиты». Телесная любовь! Это было как взрыв атомной бомбы. В самиздате Есенин-Вольпин: «О сограждане, коровы и быки, / До чего вас довели большевики...»

Мы открывали для себя Мандельштама, Ходасевича, Цветаеву. Из рук в руки передавались статьи философа Григория Померанца. Мне посчастливилось познакомиться с бесстрашным поэтом Коржавиным. Все его творчество — приговор хозяевам ГУЛАГа. Стихотворение Бориса Слуцкого было для нас гимном оттепели: «Покуда над стихами

Всегда кажется, что, коль скоро тебя не печатают, значит, ты очень плох и никуда не годишься — и эта мысль тебя никогда не оставляет.

плачут, / Пока в газетах их порочат, / Пока их в дальний ящик прячут, / Покуда в лагеря их прочат, — / До той поры не оскудело, / Не отзвенело наше дело. / Оно, как Польша, не сгинело, / Хоть выдержало три раздела». Так же как стихи Пастернака:

Ты значил все в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о Тебе
Ни слуху не было, ни духу.

И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я Твой Завет
И как от обморока ожил...

Это стихотворение о возвращении в жизнь Христа и Его заветов, что столько времени было под запретом и что так блистательно было выражено Пастернаком. Хотя думаю, что тогда я это стихотворение даже не понял. Так бывает, когда читатель иногда не проникает в глубинное содержание произведения, но сам эмоциональный заряд ему очень близок.

— У Вас есть стихотворение «На смерть Фадеева», где Вы писали, что его самоубийство — это приговор соцреализму. Вы сейчас согласны с тем, что написали тогда?

— Представьте себе: мне было 23 года, я был молодым горячим студентом, и вот меня окру-

жают люди, которые только что вернулись из ГУЛАГа. У моей первой жены была арестована вся семья: отец, мать, старшая сестра Майя Улановская, она входила в тот кружок, о котором я уже говорил, и была приговорена к 25 годам лагерей — потом, естественно, реабилитирована. Вернувшись, Майя рассказала о том, что вместе с ней сидела одна из девушек, которая в романе Фадеева «Молодая гвардия» выведена как предательница. В то время как на самом деле была невиновна. И вот, отпустили из лагеря бывшего полица, отпустили еще кого-то, кто на самом деле был предателем, — а она продолжала сидеть. Ее ненавидели карательные, и Майя давала ей свой бушлат, чтобы ее ненароком не подстрелили.

Было также известно, что Фадеев, руководитель Союза писателей, подписывал арестные документы. И потом еще рассказывали, как Фадеев на вопросы иностранных журналистов о писателе Бабеле отвечал: «Да вот он живет со мной в одном доме». — «А что же о нем ничего не слышно?» — «Да вот он пишет роман», — и так далее. Хотя он не мог не знать, что Бабель к тому времени был уже расстрелян. И когда в 1956 году я узнал о самоубийстве Фадеева, я написал стихотворение, из-за которого потом у меня были серьезные неприятности с КГБ. Были там такие строчки: «Ты умер. А как же отчизна / — Забудет, осудит, простит? / Как приговор соцреализму, / Твой выстрел короткий звучит, / И нету ни горя, ни боли, / Лишь всюду твердят об одном, / Что был ренегат-алкоголик / России духовным вождем. / Для нас это, впрочем, не ново, / Не тратьте на мертвых слова, / Пока существует основа, / Покуда система жива».

Хотя сейчас я, скорее всего, не стал бы писать стихи, так жестко осуждающие Фадеева.

— А почему?

— Пастернак в одной из своих последних статей говорит как о писателях — жертвах сталинизма, так и о тех, кто одновременно был и жертвой, и палачом. Борис Леонидович находит очень точную интонацию в рассказе о Фадееве и сожалеет о нем. И я верю ему, потому что уж он знал этого писателя лучше, чем я.

— Ваши стихи не печатали много лет. Насколько серьезно это Вас огорчало и мешало Вам?

— Сложно ответить. Всегда кажется, что, коль скоро тебя не печатают, значит, ты очень плох и никуда не годишься — и эта мысль тебя никогда не оставляет. Вспоминается Юрий Борисович Норштейн, который, работая над одним из любимейших мной мультфильмов «Сказка сказок», в какой-то момент закричал: «Ужасно! У меня ничего не получается!» Но получился-то прекрасный фильм! С другой стороны я гордился, что меня боится всесильный КГБ.

Простая «шалость»

— Вы упомянули Юрия Норштейна. Вы много лет работали на студии «Союзмультфильм».

Фото Дмитрия Гасина

Юрий Норштейн на презентации книги Александра Тимофеевского «Ответ римского друга»

Многие люди знают Вас именно как автора ушедшей в народ песни «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам»...

— Да, к сожалению, меня знают как автора песенки крокодила Гены.

— То есть Вас это сердит? А почему? Разве песня плохая?

— Я вам расскажу одну историю про Пушкина. Выходя из ресторана «Яр», он встретил мальчика. «Вы Пушкин?» — спросил мальчик. «На что вам?» — ответил Пушкин. «Вы же написали “Черную шаль”». — «Откуда вы знаете?» — «Мой брат поет, вся Россия поет» (действительно, Пушкин какое-то время был Окуджавой России, все пели: «Гляжу, как безумный, на черную шаль»). «А кроме “Черной шали” вы больше не знаете ничего?» — спросил Пушкин. Мальчик покачал головой. И тогда Пушкин тут же выдал экспромт: «Вы знаете одну лишь “Шаль”. /Какая жалость! /Моя, мой милый, это шаль. / А проще — шалость»...

Вот и мне бы хотелось, чтобы до читателя дошли какие-то более серьезные мои тексты, которые для меня являются особенно важными, а не песенка крокодила Гены. Дело в том, что по сценарию мультфильма эта песня вообще не планировалась. А когда решили, что надо песню написать, Эдуард Успенский, автор книги «Крокодил Гена и его друзья», был

в командировке, и посоветовал создателям мультфильма меня.

— Вы начинали работу в мультипликации в эпоху, когда создавались лучшие советские мультфильмы. Расскажите, а в анимации тоже была холодная война? Как относились к Диснеевской студии — за или против?

— К счастью, в мультипликации никакой холодной войны не было, хотя действительно работы «Диснея» в СССР тогда можно было увидеть только в редких клубных показах. Вообще, советская мультипликация многое взяла от Диснея. Ведущие мастера «Союзмультфильма» отправлялись в Америку, чтобы изучать опыт студии Уолта Диснея. Однако, воспроизвести его технологию целиком не удалось. Руководство решило сэкономить и отказаться от нескольких этапов производственного процесса. Поэтому, в частности, нельзя было добиться такой же плавности мультипликата, глубины кадра и проч. Хотя мастера у нас были блистательные. Непревзойденным мультипликатором мне представляется Борис Дёжкин, автор фильмов «Шайбу! Шайбу!», «Матч-реванш», «Снежные дорожки»... Режиссеры: Лев Атаманов, Иванов-Вано, сестры Брумберг, Хитрук, Качанов, Хржановский, Норштейн... Трудно поставить точку, перечисляя создателей мультфильмов, которые восхищали многих. Неслучайно кто-то из римских пап (не помню, кто именно), рекомендовал смотреть советские мультфильмы — потому что они очень хорошие. ➔

Фото Владимира Ешмакина

С супругой Натальей

«Я мечтаю об ощущении, что небо близко»

— Александр Павлович, свое поколение Вы называете поколением атеистов. И в то же время, насколько я знаю, у Вас была очень верующая тетя. Это как-то отражалось в Вашем детстве, в молодости? О Боге говорили в Вашей семье?

— Вы знаете, все было очень сложно. Я, например, навсегда запомнил, как тетушка водила меня в церковь, когда мне было 4-5 лет. Помню, как мы с ней ходили в храм в день Святой Троицы, и все было украшено зеленью. Конечно, я не понимал высокой святости церковного праздника, но до сих пор осталось в душе чувство радости от того, что все радовались и все меня любили.

Но мы жили в советское время, когда все это сильно осуждалось. Мои близкие в разговорах о вере были очень осторожны. Тем более что два деда были репрессированы и расстреляны. Поэтому я рос и о христианстве не знал практически ничего. Но прекрасно помню, как в молодости я удивлялся тому, что в советских учебниках, в разных статьях все время писалось: «Мировоззрение Достоевского было ошибочным», то же самое про Гоголя, про Толстого. И тогда я думал: почему же некий имярек, который никогда не ошибается и пишет об ошибках этих писателей, не является властителем дум. Если он так все хорошо понимает, то почему тогда прославляют не его, а этих

вечно ошибающихся. Вот это мне приходило в голову. Но христианский посыл в произведениях великих классиков все равно, к сожалению, мной был не понят.

И вот что еще меня удивляло. Ленин почти в каждой своей статье нападал на Бога, подобно Катону-старшему, который свои речи заканчивал словами «Карфаген должен быть разрушен». Меня его яростный атеизм поражал, потому что он делал это некстати и без особенной необходимости. Ну можно понять, существует спор атеиста с идеалистом, и атеист доказывает свою позицию. Но когда речь идет о кооперативе, он и здесь обязательно скажет о том, что Бога нет, и было совершенно непонятно, какое это отношение имеет к кооперативу. А потом я стал думать, что это похоже на какое-то дьявольское наущение.

Когда мне было за сорок лет, я работал на телевидении. Работник телевидения, замеченный в церкви, был бы уволен немедленно. Это о советских порядках.

— А Вы помните, когда впервые прочли Евангелие?

— Евангелие я впервые прочитал лет в тридцать. Его мне подарила тетушка, и оно до сих пор стоит у меня на полке. Тетушка подспудно и очень осторожно подводила меня к учению Христа, она вообще никогда ни на кого не давила, и только иногда, когда это было возможно, говорила о вере.

Но решительным толчком к тому, чтобы обратиться к Евангелию, стало вот что. Когда

мне было 28 лет, умерла моя первая жена, и это стало для меня сильным ударом. Я решил тогда бросить писать стихи и не писал почти три года, жил с растрепанной душой, вел себя очень нехорошо, много пил. И вот однажды, сам не знаю как, я очнулся в квартире у Макса Жеребчевского, художника-постановщика мультфильма «Бременские музыканты». Мы с ним дружили, и каким-то образом я после очередной разгульной ночи забрел к нему. И тут, когда я очнулся, Макс стал упрекать меня в том, что я веду беспутную жизнь, и заговорил со мной о Боге.

Это было для меня абсолютным потрясением. Мне тогда приходилось слышать о Боге только от стариков. И вдруг я узнаю, что мой друг и ровесник оказывается глубоко верующим человеком! Среди моих сверстников я таких людей в те времена не встречал. Макс рассказывал мне о своей вере, а я смотрел на него с широко открытыми глазами. Но после этого разговора я прочел Евангелие от корки до корки.

Я помню удивительное ощущение от образа Богочеловека. Помню, я прочел и подумал о том, как трудно Ему было втолковывать ученикам то, что Он говорил. Объясняет им такие, казалось бы, простые и очевидные вещи. Не воспринимают. А потом я понял, что это продолжается и по сей день. Заповеди Его так просты, естественны и человечны, но мы их плохо исполняем и понимаем с большим трудом. Христос продолжает разговор с нами. Времени нет, нет разрыва в две тысячи лет. Евангелие написано как бы вчера и для нас.

— Какие ощущения у человека, который 30 лет в Бога не верил, а потом вдруг взял и прочитал эту книгу? Что-то меняется?

Христос продолжает разговор с нами. Времени нет, нет разрыва в две тысячи лет. Евангелие написано как бы вчера и для нас.

— Я думаю, что меняется, но не сразу. Наверное, чтобы сразу принять учение Христа всей душой, человек должен обладать нравственной гармонией. А если такой гармонии нет, то прийти к глубокой вере очень сложно. И еще, конечно, атеистическое наследие, которое накопилось, очень мешает. Ты еще долго ощущаешь себя полуверующим-полуатеистом, и вопрос, есть ли Бог или Бога нет, тебя все время не оставляет. Движение к Богу очень непростое. Любовь глубоко интимна.

Я бы хотел прочесть две вещи: одну мою, а другую — моей тетушки, она тоже писала стихи. И вы сразу почувствуете два разных мироощущения. В 1972 году, то есть почти в сорок лет, я написал поэму «Молитва», вот характерный кусочек из нее:

...Дни мои измерены, а ноченьки долги.
Снятся мне измены, предательства, долги.
О, как же это надо, чтоб небосвод —
разверст,
Чтоб пасть ничком под градом в меня
летающих звезд,
Назвать Тебя по имени и волю дать слезам.
Прости меня, прости меня, за что —
Ты знаешь сам.
Я изменил любимой, я изменил себе,
И желтым одуванчикам на склоне
горы лиловой,
Где даже в полдень со дна глубокой шахты
Виднелась звездочка. Которая измена горше,
И сам не знаю. Прости мне, Господи!
Прости меня, о Боже, забудь про все на миг!
О, как же я ничтожен, о, как же Ты велик!
Ты был со мною рядом и подавал мне знак.
Я знал всегда, что надо, но делал все не так...

А теперь — отрывок из стихотворения «Пасхальные дни», которое, рассказывает о дореволюционном детстве автора, но было написано Екатериной Тимофеевской во второй половине XX века:

... Время заутренней светлой.
Я в платье белом.
В час необычный выходим.
На улице людно.
Светятся окна домов в трепетном ожиданье.
Небо торжественно звездно. И близко.
Так близко!
Не звон колоколов, над всей Россией
резвонивших, благовестивших нам,
не праздничный, весь озаренный храм
оставит в сердце свет неугасимый,
не ликованье хоров: Он воскрес! —
а таинство приближенных небес,
созвездий дышащих... Их славословью
внемлю
в Святую Ночь, объемлющую землю.
Так радостно...

И вот я мечтаю о таком светлом чувстве, вот о таком восторге, и о чистоте собственной души, и об ощущении, что небо близко.

— А у Вас есть образец человека, который бы вот это все, о чем Вы мечтаете, стяжал?

— Вы знаете, мне Господь посылал в жизни очень много замечательных людей. Но таких светлых людей, как моя тетушка, я больше никогда не встречал. Она была сама любовь. Я знал ее с четырех лет и до дня ее смерти, и всегда считался ее самым любимым племянником. И вот ее не стало — она ушла. Поминки. Встает одна женщина: «Я была самой любимой у Екатерины Павловны». Встает другой человек: «А ведь я был ее любимцем!» Встает третий и говорит то же самое.

Это несколько не было мне обидно. Я просто вдруг по-настоящему понял, какое чудо — любовь, я вдруг по-новому почувствовал евангельскую историю о том, как Христос пятью хлебами смог накормить пять тысяч человек. ♣

Беседовала **Дарья Барина**